

УДК 811.161.1'282.4(476)+81'366

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛАРУСИ: ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ

О. С. ГОРИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются морфологические характеристики белорусской разновидности русского языка: специфика реализации грамматических категорий числа, рода, падежа, склонения, времени и др. Демонстрируется, что морфологические особенности русского языка в Беларуси формируются в результате взаимодействия контактных и внутрисистемных факторов: как правило, языковые контакты усиливают внутриязыковые тенденции. Анализ корпусных данных показывает, что далеко не все случаи потенциальной морфологической интерференции становятся реальностью, и это демонстрирует селективность языковых изменений и лексикализованный характер грамматических особенностей идиома. Установлено, что под влиянием языковых контактов некоторые элементы, периферийные для одной национальной разновидности русского языка, находятся ближе к ядру в другой. В работе также подчеркивается, что активизация контактно обусловленных процессов в морфологии связана с семантико-прагматическими характеристиками языковых единиц.

Ключевые слова: грамматика; морфология; вариативность; языковые контакты; языковые изменения; русский язык в Беларуси.

Образец цитирования:

Горицкая О.С. Морфологические особенности русского языка в Беларуси: факторы языковой динамики. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;3:29–39.

For citation:

Goritskaya OS. Morphological features of Belarusian Russian: factors of language change. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020;3:29–39. Russian.

Автор:

Ольга Сергеевна Горицкая – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего языкознания.

Author:

Olga S. Goritskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of general linguistics.
goritskaya@gmail.com

МАРФАЛАГІЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ РУСКАЙ МОВЫ Ё БЕЛАРУСІ: ФАКТАРЫ МОЎНАЙ ДЫНАМІКІ

В. С. ГАРЫЦКАЯ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца марфалагічныя характарыстыкі беларускай разнавіднасці рускай мовы: спецыфіка рэалізацыі граматычных катэгорый ліку, роду, склону, ладу, часу і інш. Дэманструецца, што марфалагічныя асаблівасці рускай мовы ё Беларусі фарміруюцца ў выніку ўзаемадзеяння кантактных і ўнутрысістэмных фактараў: як правіла, моўныя кантакты ўзмацняюць унутраныя працэсы. Аналіз корпусных даных паказаў, што далёка не ўсе выпадкі патэнцыйнай марфалагічнай інтэрферэнцы становяцца рэальнасцю, і гэта дэманструе селектыўнасць моўных змен і лексікалізаваны характар граматычных асаблівасцей ідыёму. Устаноўлена, што пад уплывам моўных кантактаў некаторыя элементы, перыферычныя для адной нацыянальнай разнавіднасці рускай мовы, знаходзяцца бліжэй да ядра ў іншай. Актывізацыя кантактна абумоўленых працэсаў у марфалогіі таксама звязана з семантыка-прагматычнымі характарыстыкамі моўных адзінак.

Ключавыя словы: граматыка; марфалогія; варыятыўнасць; моўныя кантакты; моўныя змены; руская мова ё Беларусі.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF BELARUSIAN RUSSIAN: FACTORS OF LANGUAGE CHANGE

O. S. GORITSKAYA^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article focuses on the morphological characteristics of the Belarusian variety of the Russian language: the realization of the grammatical categories of number, gender, case, mood, time, etc. The research demonstrates that the morphological features of Belarusian Russian are a result of the interaction of contact-induced and internal factors: as a rule, linguistic contacts reinforce internal trends. A corpus-based analysis shows that many cases of potential morphological interference do not become reality, which demonstrates selectivity in language change and the lexicalized nature of the grammatical features of the variety. It has been established that, under the influence of language contacts, some elements, which are peripheral in one national variety of the Russian language, are closer to the core in another. In addition, the article highlights that semantic and pragmatic features of linguistic units shape contact-induced processes in morphology.

Keywords: grammar; morphology; variation; language contacts; language change; Russian in Belarus.

Введение

Белорусско-русский языковой континуум представляет несомненный интерес для социолингвистики и теории языковых контактов, что обуславливает актуальность данной статьи. Специфика русского языка в Беларуси проявляется на различных уровнях языковой структуры, в том числе и в морфологии, что отмечалось многими исследователями (см., например, [1–6]). Но содержащиеся в научных публикациях положения, касающиеся морфологической вариативности в белорусской разновидности русского языка¹, иногда противоречат друг другу и нуждаются в эмпирической верификации на современном материале, что и будет предпринято в исследовании. Кроме того, представляется необходимым теоретически обобщить накопленные знания о грамматических особенностях русского языка в Беларуси. Цель исследования – выявить морфологические особенности данного варианта русского языка и определить конфигурацию факторов, обуславливающих морфологическую специфику изучаемого идиома.

Морфологические различия между белорусским и русским языками касаются главным образом отдельных грамматических значений и способов их выражения у некоторых классов слов или отдельных

¹Мы полагаем, что русский язык относится к полицентрическим языкам [7], и выделяем белорусскую разновидность русского языка, которая принадлежит к недоминантным и находится в процессе становления и развития [8–11].

лексических единиц [1; 2; 12, с. 170; 13, с. 331]. Кроме того, необходимо учитывать, что контактно обусловленным изменениям в первую очередь подвергается не ядро, а периферия грамматики – зоны, которые находятся на стыке грамматики и лексики, а также грамматики и прагматики [14, р. 313; 15, р. 97–98]. Характером грамматических различий между русским и белорусским языками определяется в значительной степени и лексикализованный характер морфологических особенностей, присущих белорусской разновидности русского языка².

Необходимо принимать во внимание, что «штучные» характеристики, составляющие специфику белорусской разновидности русского языка, обусловлены глубокими процессами – течениями, определяющими развитие языков и их разновидностей (вспомним, в частности, понятие языкового дрейфа [16]). В этой статье не ставится задача выявить и описать все особенности, характерные для идиома, а выделяются общие принципы, значимые для понимания того, чем обусловлена грамматическая специфика белорусской разновидности русского языка.

Материалы и методы исследования

Данное исследование выполнено в русле корпусной социолингвистики (см., например, [17; 18]), что отличает его от других работ, посвященных грамматической вариативности в русской речи белорусов [1; 3; 4]. Источником количественных данных о функционировании языковых единиц послужил «Генеральный интернет-корпус русского языка» (ГИКРЯ), где есть разметка местоположения пользователей. Использовался подкорпус «Живой Журнал» (ЖЖ) объемом 8,72 млрд слов. Блоги, представленные в данном подкорпусе, отражают разговорную речь в письменной форме и благодаря своей непосредственности и массовости являются ценным источником для изучения активных языковых процессов и вариативности.

Чтобы определить, существенны ли различия в частотности языковых единиц между белорусским и российским сегментами ГИКРЯ, использовалась логарифмическая функция правдоподобия (мера правдоподобия, англ. *log-likelihood*) [17, р. 62–63; 9]. При помощи данного статистического инструмента можно определить, в каких случаях единицы употребляются чаще и реже в одном из подкорпусов по сравнению с другим. Для этого соотносились данные по белорусскому (около 160 млн словоупотреблений) и российскому (около 4 млрд словоупотреблений) сегментам ГИКРЯ. Чтобы обеспечить точность результатов, было выбрано максимальное критическое значение G^2 , равное 15,13 ($p < 0,0001$).

Дополнительно использовались данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и собранная нами картотека примеров (в том числе метаязыковых высказываний) из различных типов текстов.

Л. Г. Мощенская, изучавшая категорию рода в русской речи белорусов, отметила, что «интерференция занимает периферийное положение и выявляется только на уровне отдельных лексем» [3, с. 131]. По мнению исследователя, сильнее на функционирование вариантов родовой принадлежности существительных воздействуют такие процессы, как перенос (если нормы в двух языках совпадают, то они оказываются более устойчивыми в речи билингва), гиперперенос (стабилизирует уходящую норму или продвигает новый вариант) и гипердифференциация (иногда, если нормы русского и белорусского языков совпадают, носители «ошибаются», выбирая противоположный вариант). В данной работе сосредоточено внимание на интерференции, поскольку такие явления легче поддаются эмпирическому анализу: аргументированно связать явления переноса, гиперпереноса и гипердифференциации с языковыми контактами не всегда возможно.

Результаты и их обсуждение

Результаты нашего корпусного анализа демонстрируют, что во многих случаях интерференция на морфологическом уровне имеет потенциальный характер: не наблюдается статистически значимое увеличение частотности нестандартных вариантов под влиянием белорусского языка, в котором аналогичные формы относятся к стандарту. Например, можно было бы ожидать рост частотности словосочетаний типа *открыть двери* в Беларуси, поскольку в белорусском языке существительное *дзверы* является *pluralia tantum*, однако, как показывает материал ГИКРЯ, статистически значимого увеличения удельного веса словосочетаний с формой множественного числа не происходит (G^2 для формы множественного числа – 12,16, что не превышает критического значения), хотя удельный вес словосочетаний *открыть/закрыть двери* (vs. *дверь*) в Беларуси немного выше (17,80 %, 186 вхождений), чем в России (14,28 %, 3782 вхождения).

²Феномены, тяготеющие к лексическому полюсу лексико-грамматического континуума (конкуренция видовых вариантов типа *словить*, *поймать*, *споймать*, словообразовательная вариативность, особенности образования и функционирования диминутивов, феминитивов и других продуктивных классов единиц, специфическое грамматическое оформление лексико-семантических вариантов многозначных слов и т. п.), в данной статье не рассматриваются.

Вообще, многие случаи, отмечаемые, например, в работах Т. В. Кузьменковой, Г. Ф. Вешторт [1; 4] как примеры белорусско-русской интерференции, не встречаются в нашей выборке. Это обусловлено различными факторами: неодинаковым материалом анализа (более ранние работы основаны главным образом на интроспекции и анкетировании), хронологической дистанцией между исследованиями и т. д. В данной статье внимание сосредоточено на единицах, частотность которых в белорусской разновидности русского языка выше ожидаемой.

Анализ эмпирического материала показывает, что белорусские окончания, отличающиеся от русских, в нашем материале встречаются достаточно редко. В научной литературе (например, [4, с. 66; 5, с. 280]) отмечается, что для русского языка в Беларуси характерно использование форм творительного падежа типа (с) *Васем* или (с) *дядьком*. Наш материал это не подтверждает: по-видимому, такие формы существуют в белорусско-русском языковом континууме, но не относятся к числу «жизнеспособных» в исследуемом идиоме³. Вместе с тем наблюдается рост частотности некоторых имен собственных, например, *Виталем* ($G^2 = 30,12$). Однако появление подобных форм обусловлено тем, что в белорусской разновидности русского языка чаще используется имя *Виталь* ($G^2 = 67,45$), т. е. речь идет об образовании формы *Виталем* от имени *Виталь* (не *Виталья*), что вполне соответствует нормативным конвенциям. Подобные лексико-грамматические феномены в данной статье подробно не рассматриваются.

Одно из наиболее хорошо осознаваемых различий в грамматике русского и белорусского языков – это расхождение в родовой принадлежности ряда существительных. В русском языке существительные с основой на мягкий согласный могут относиться как к женскому (*лень*), так и к мужскому роду (*день*). Соответственно, действие закона аналогии может приводить к неверному с точки зрения литературного языка определению рода конкретного слова. В определенном окружении на выбор рода влияют и другие языки. По данным ГИКРЯ, в современной русской речи жителей Беларуси не наблюдается статистически значимого увеличения частотности слов *медаль*, *шинель* и подобных как существительных мужского рода – в соответствии с их родовой принадлежностью в белорусском языке. Напротив, *мозоль* как существительное мужского рода употребляется в различных странах, где используется русский язык, и различия в частотности данного варианта в белорусском и российском сегментах ГИКРЯ не являются статистически значимыми ($G^2 = 11,90$). При этом удельный вес слова *мозоль* мужского рода в Беларуси выше, чем в России, что можно объяснить тем, что данная форма слова характерна для белорусского языка. Аналогичная ситуация наблюдается и в Украине (рис. 1).

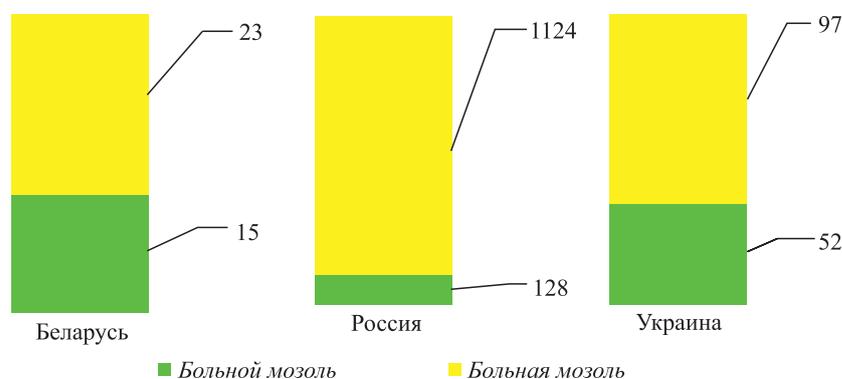

Рис. 1. Соотношение вариантов типа *bol'noi mozol'* (мужской род) и *bol'naya mozol'* (женский род) (ГИКРЯ)
Fig. 1. Ratio of variants like *bol'noi mozol'* (masculine) and *bol'naya mozol'* (feminine) (General Internet-Corpus of Russian)

В целом анализ материала демонстрирует, что контактные факторы усиливают действие внутриязыковых тенденций: нарушение кодифицированных норм в белорусском варианте русского языка происходит в тех зонах грамматики, где «ошибаются» носители русского языка из разных стран. Еще в советское время учеными приводилось наблюдение: «Литературная морфологическая норма оказывается менее всего устойчивой в условиях иноязычного окружения. Наибольший процент реализации морфологических тенденций имеет место, как правило, у русских жителей Белоруссии, Прибалтики, Украины» [19, с. 245]. Р. О. Якобсон отмечал, что «язык воспринимает элементы чужой структуры лишь в том случае, если они соответствуют тенденциям его развития» [20, с. 99]. В работе ученого речь шла об изменениях фонологических систем, но, видимо, в данном случае имеет место универсальная

³Исследователи отмечали, что это может быть связано с неприятием подобных грамматических феноменов и определения речи, где они присутствуют, как смешанной [6, р. 113].

закономерность развития языка. Впрочем, С. Томасон и Т. Кауфман указывают на то, что при языковом сдвиге встречаются и феномены, не соответствующие внутренним тенденциям языкового развития, поскольку изменения возникают в результате «несовершенного» овладения языком [21, р. 43]. Однако наш материал показывает, что «выживают» те нестандартные языковые факты, которые «мимикрируют».

Среди внутренних факторов грамматических изменений следует отметить тенденцию к экономии языковых средств. Данный фактор приводит к выбору более коротких форм, устранению исключений и аналогическому выравниванию парадигм и т. д. Так, для русской речи жителей Беларуси характерно использование генитивных форм с нулевой флексией типа *Баранович* и *Жданович* вместо нормативных *Барановичей* и *Ждановичей* (рис. 2). Такие грамматические варианты отличаются краткостью, а также встречаются в белорусском языке.

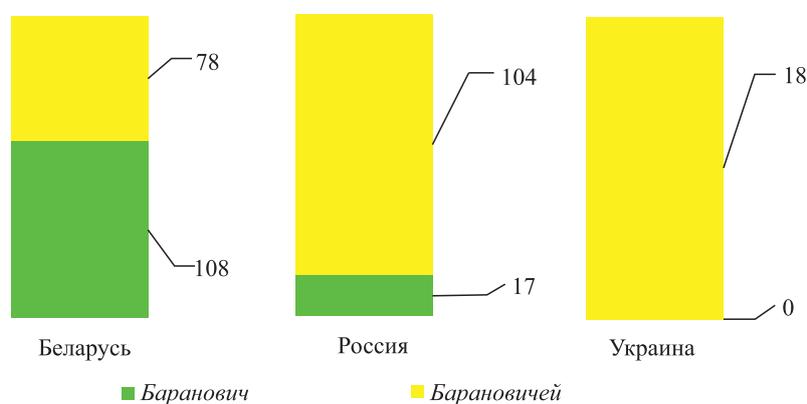

Рис. 2. Соотношение вариантов *Баранович* и *Барановичей* (учитывались только контексты с географическими названиями) (ГИКРЯ)

Fig. 2. Ratio of variants *Baranovich* and *Baranovichei* (only contexts with place names were taken into account) (General Internet-Corpus of Russian)

Одна из тенденций в функционировании морфологических вариантов в белорусской разновидности русского языка – это увеличение частотности форм, которые возникают в результате выравнивания по аналогии с более продуктивными, семантически прозрачными, немаркированными грамматическими феноменами, что сопровождается контактным влиянием. Подобные процессы типичны для контактных ситуаций [21, р. 23; 15, р. 89], что можно проиллюстрировать на примере конкуренции императивных форм глагола *ехать*. Так, более высокая частотность словоформы *едь(те)* в белорусской разновидности русского языка объясняется ее системным характером, *поезжай(те)* же воспринимается как не вполне логичное «исключение». Надо принимать во внимание и тот факт, что форма *едзь(це)* считается нормативной и в белорусском языке. На рис. 3 показано, что вариант *поезжайте*, соответствующий строгой литературной норме русского языка, не популярен ни в одном из сегментов корпуса.

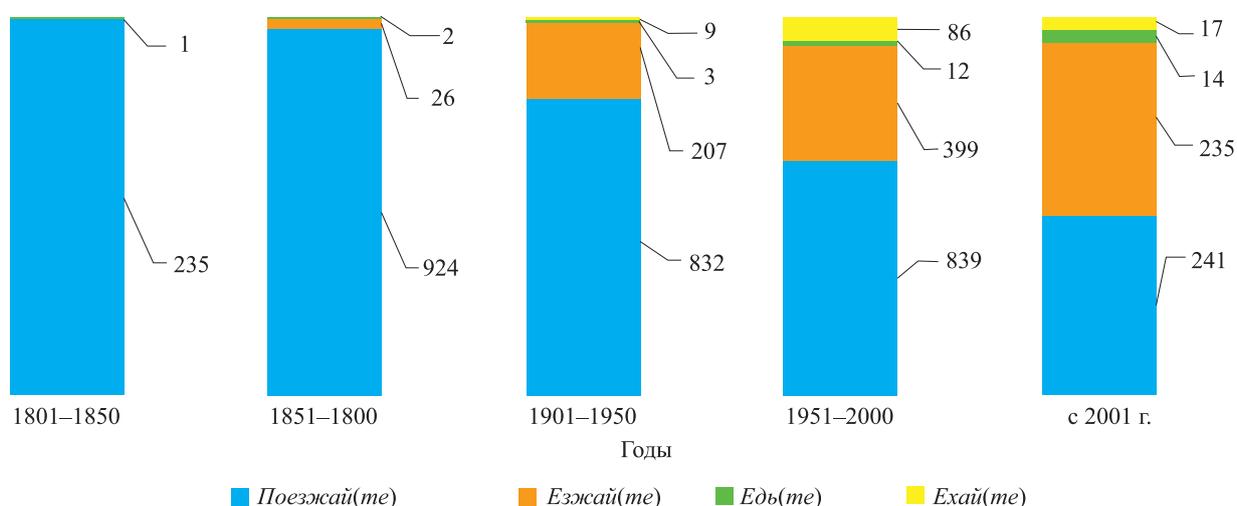

Рис. 3. Соотношение вариантов *поезжай(те)*, *езжай(те)*, *едь(те)* и *ехай(те)* (ГИКРЯ)

Fig. 3. Ratio of variants *poezzhai(te)*, *ezzhai(te)*, *ed'(te)* and *ekhai(te)* (General Internet-Corpus of Russian)

Интересно, что для русскоязычных текстов, созданных в России, на первое место выходит вариант *езжайте*, что является следствием развития данного участка грамматической системы русского языка на протяжении последних нескольких столетий. Подобные различия в функционировании вариантов в национальных разновидностях русского языка демонстрируют механизмы языкового дрейфа: «Возможно, что именно эта *вариативность значимости*, которая свойственна существенным компонентам общей тенденции дрейфа языка, является ответственной за возникновение диалектальных различий. Каждый диалект продолжает общую тенденцию дрейфа языка-родоначальника, но не в равной мере воспринимает действенную силу каждого компонента этой тенденции. Тем самым оказываются неизбежными сперва небольшие, а потом все более возрастающие отклонения от первоначальной линии дрейфа» [16, с. 149].

Основной подкорпус НКРЯ показывает, что с течением времени удельный вес словоформы *поезжайте* падает, при этом вариант *езжайте*, который в первой половине XIX в. еще не использовался, становится все более популярным. На рис. 4 видно, что варианты *едь(те)* и *ехай(те)* занимают маргинальное положение в русских текстах, отраженных в НКРЯ. Большой удельный вес варианта *езжайте*, маркированного в современных словарях как разговорное, в ГИКРЯ по сравнению с НКРЯ за XXI в. обусловлен тем, что первый корпус передает разговорную речь в письменной форме.

Рассмотрим еще одну грамматическую характеристику белорусского варианта русского языка, которая обусловлена внутрисистемными и контактными факторами. Одно из различий в белорусской

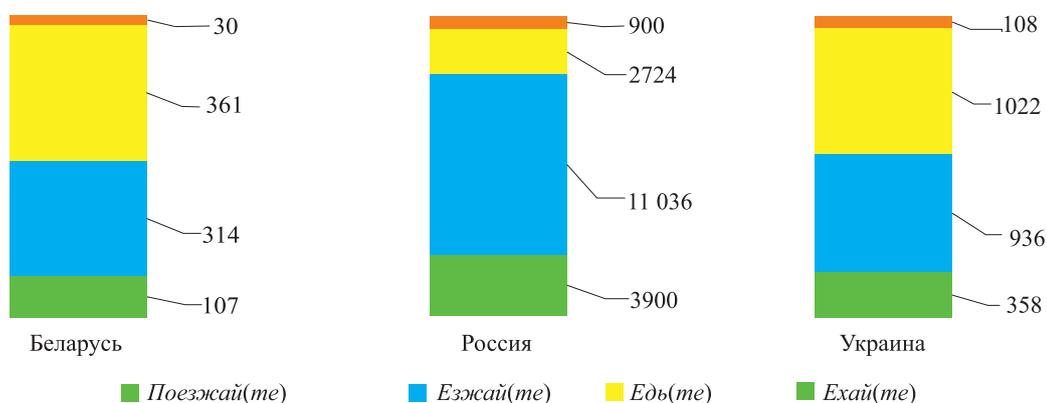

Рис. 4. Соотношение вариантов *поезжай(те)*, *езжай(те)*, *едь(те)* и *ехай(те)* в динамике с 1801 г. по настоящее время (НКРЯ)

Fig. 4. Ratio of variants *poezzhai(te)*, *ezzhai(te)*, *ed'(te)* and *ekhai(te)* over time from 1801 to the present (Russian National Corpus)

и русской морфологии заключается в неодинаковом распределении глаголов между I непродуктивным и продуктивным классами: если в русском языке словоформы типа *махаешь* являются разговорными, то в белорусском языке их корреляты соответствуют строгой литературной норме [21, с. 105]. Данное корпусное исследование показывает, что удельный вес продуктивных вариантов в Беларуси выше, чем в России (см. таблицу).

Абсолютная и относительная частотность вариантов, образованных по модели I продуктивного класса (*махаеш*⁴ и т. п.)

Absolute and relative frequency of variants formed according to the model of the 1st productive class (*makhaesh*⁴, etc.)

Глагол	Абсолютная частотность		Относительная частотность, %	
	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия
<i>Махатъ</i>	151	1314	12,14	4,29
<i>Полоскатъ</i>	11	654	13,41	26,61
<i>Хныкатъ</i>	18	259	23,38	11,78

⁴Ввиду наличия омонимов *Маішу* – *маіш*⁴ и большого количества контекстов в выборке мы не принимали во внимание формы 1-го лица единственного числа от глагола *махатъ*.

При этом если абсолютная частотность словоформ типа *махаешь* в белорусском сегменте ГИКРЯ выше ожидаемой ($G^2 = 67,48$), то различия между Беларусью и Россией в абсолютной частотности форм типа *хныкаешь* и *полоскаешь* не являются статистически значимыми (10, 72 и 4,49 соответственно), что в очередной раз демонстрирует избирательность языковых изменений и лексикализованный характер грамматических особенностей исследуемого идиома. Так, Т. Н. Волынец заметила: «Грамматическое уподобление словоизменения глаголов I продуктивного класса и в русском, и в белорусском языке в целом прогрессивно... Однако эволюция данного процесса не прямолинейна, поэтому нельзя категорично утверждать, что со временем все глаголы I непродуктивного класса в русском и белорусском языках в обязательном порядке перейдут в I продуктивный класс. Процедура эта сложная, длительная и в достаточной степени прихотливая. Она не вмещается в какое-то определенное русло и не охватывает все языковые факты сразу» [21, с. 101].

В целом распространение более продуктивных языковых явлений (генерализация правил) характерно для идиомов с субстратной основой, возникающих в процессе языкового сдвига, и связано с особенностями стихийного усвоения второго языка [14, р. 283–284].

Другой пример, иллюстрирующий специфику грамматических изменений в гибридных языковых образованиях типа белорусского варианта русского языка, – это функционирование плюсквамперфектных форм [6, р. 114–115; 13, с. 287; 23, с. 297; 24, с. 50]. Русский литературный язык считается единственным славянским языком, где подобных форм нет: наследником плюсквамперфекта выступают образования с частицей *было* [24, с. 33]. Корпусный анализ демонстрирует, что в белорусском сегменте ГИКРЯ плюсквамперфектные формы являются достаточно маргинальными: всего встретилось 118 контекстов с контактным расположением компонентов (пре- и постпозитивным глаголом *быть*). Нормативная грамматика белорусского языка также относит составные формы прошедшего времени к периферии грамматической системы, которые характеризуются как «рэшткі былой сістэмы часу, якія захаваліся ў асобных дыялектах і таму назіраюцца ў гутарковай мове асобных людзей і мове мастацкай літаратуры» [25, с. 210]. Действительно, по нашей выборке видно, что в одних идиолектах данная форма в большей степени, чем для других. Так, в текстах одного из пользователей (*ivan-rak*) зафиксировано 7 контекстов с интересующей нас формой, в остальных блогах главным образом представлены единичные употребления (в редких случаях – 2–3).

Единицы типа *ходил был* и *ходил было* имеют как сходства, так и различия в функционировании. По всей видимости, в белорусской разновидности русского языка единицы типа *хотел было* и *хотел был* воспринимаются как варианты: «*Быть*» в неожиданных местах – это и про меня. Только замаскировалось под вводное слово. Не я была сходила, а я, было, сходила)). Так же ж можно же, ведь правда же, разве нет?»⁵

Семантические характеристики и дискурсивные функции плюсквамперфектных форм в белорусском варианте русского языка несколько более разнообразны, чем у образований с частицей *было* (согласуемое *быть* далеко не всегда с легкостью заменяется на *было*), и приближаются к значениям данных форм в белорусском языке [23, с. 306–308; 26, с. 218–230]. Далее приведем основные значения данных форм в белорусской разновидности русского языка (названия функций даются со ссылкой на исследование Д. В. Сичинавы, посвященное плюсквамперфекту в различных языках мира [24]).

Как и образования с частицей *было*, рассматриваемые формы используются для обозначения аннулированного результата, прекращенной ситуации или нарушения нормального хода ситуации: *Да я тут был закодировался. Так вот уже декодировался :)* (ГИКРЯ, ЖЖ: *kulakovsky*, комментарии автора⁶); *Хочу вас познакомить с хорошими людьми. Признаться, мы мало были знали друг о друге до недавнего времени* (ГИКРЯ, ЖЖ; *toma_lisitskaya*); *Мы собирались были уехать в Словакию кататься на сноубордах, нежитья в США, кушать пструх и запивать отличным пивом. Нашли хороший отель, оплатили еще в октябре... А в декабре все планы рухнули: весь январь и февраль я должна провести дома, в легкой досягаемости до моего врача* (ГИКРЯ, ЖЖ; *dustikeeva*).

Кроме того, плюсквамперфектные формы в исследуемом идиоме используются в таксисном значении, что нетипично для образований с частицей *было* в российской разновидности русского языка. В таких контекстах описываются ситуации, предшествующие точке отсчета в прошлом, в том числе результат действия (перфект в прошедшем): *Конечно я забил, учитывая тот факт, что у меня закончился вчера ночью интернет и благополучно пошел спать. И хорошо что меня спасла одноклассница, которой я до этого был помог с информатикой* (ГИКРЯ, ЖЖ; *ashaurock*).

⁵См. комментарии к записи в *Facebook*: <https://www.facebook.com/alexandr.ocherety/posts/1314416445309645>. (Здесь и далее в контекстах сохраняются орфография и пунктуация оригинала.)

⁶Здесь и далее после примеров указываются источник, имя автора записи в блоге, а при необходимости также и комментатора.

В целом плюсквамперфектные формы выполняют разнообразные дискурсивные функции. Они могут накладываться на другие значения обсуждаемых грамматических единиц, в том числе в белорусском варианте русского языка. Кроме того, в различных языках мира фиксируются модальные и эвиденциальные употребления плюсквамперфектных форм (эти значения не характерны для частицы *было* в русском языке).

В некоторых случаях плюсквамперфект используется вместо ожидаемых форм условного наклонения: *Был бы литературный талант написал был книжку на тему, прославился б, а так приходится обсасывать тему в жж* (=) (ГИКРЯ, ЖЖ; *fox_unexisted*, комментарий *maz_d*). Контекст, приведенный выше, интересен, потому что, по гипотезе Д. В. Сичинавы, плюсквамперфектные формы дали начало условному наклонению в славянских языках [24, с. 31]. Такие контексты можно интерпретировать как опечатки [23, с. 310–311].

Таким образом, контактное влияние приводит к сохранению в исследуемом идиоме фрагмента грамматической системы прошлого. На синхронном срезе плюсквамперфектные формы используются как варианты образований с частицей *было*, однако отличаются более широким спектром семантических характеристик и дискурсивных функций. Аналогичные явления наблюдаются и на лексическом уровне: некоторые устаревшие слова (как, впрочем, и другие группы маркированной лексики), имеющие параллели в ядре белорусского лексикона, активизируются в белорусской разновидности русского языка. Следовательно, языковые контакты приводят не только к появлению новых элементов в данном идиоме, но и к изменению статуса языковых единиц и отношений между ними: элементы, относящиеся к периферии в одной национальной разновидности русского языка, могут быть ближе к ядру в другой.

Продемонстрировать семантико-прагматический аспект морфологической вариативности можно на примере употребления категории рода. Использование слова *собака* в мужском роде считается одним из маркеров белорусской разновидности русского языка, что объясняется интерференцией (см., например, [4, с. 67–68; 2, с. 122]). Действительно, в белорусском сегменте ГИКРЯ можно найти примеры использования лексемы *собака* в мужском роде: *Я щенка имела глупость приучить спать с (в. – О. Г.) ногах, теперь приходится взрослого собаку в спальню не впускать*) (ГИКРЯ, ЖЖ; *bonmotistka*, комментарий *muiere*).

Однако такие контексты встречаются и в других странах (на 6 контекстов из Беларуси представлено 373 из России). Приведем несколько примеров данного употребления в Алтайском крае: *Вот подскажите, где и чего у нас можно купить такого типа газового баллончика, чтоб прыснуть в рожу агрессивно настроенному собаку и его не менее тупому хозяину?* (ГИКРЯ, ЖЖ; *vln_mc*); в Архангельской области: *...если приеду летом в Питер, то попрошусь на потискать этого прелестного сОбака, хорошо?)* (ГИКРЯ, ЖЖ; *ronija*, комментарий *ira_smileik*).

В текстах вариант слова мужского рода может использоваться наряду с вариантом женского рода: *Хороший собак!:) Интересно, сколько ей? Видно что ухоженная, ага* (ГИКРЯ, ЖЖ; *sergenat*, комментарий *zhani_*); *Глупая собачка Винки нашла осиное гнездо. Осиное гнездо нашло собачку Винки. <...> Макс выбрал троих возмущенных ос из шерсти глупого собака* (ГИКРЯ, ЖЖ; *tchuda*).

В Беларуси, по корпусным данным, не наблюдается статистически значимого увеличения частотности данного морфологического варианта ($G^2 = 6,59$). Думаем, что употребление слова *собака* в мужском роде в первую очередь продиктовано желанием снять противоречие между биологическим полом и грамматическим родом. С этой же целью используется и вариант *собак* (ср. употребление слова *ребенка* женского рода для обозначения девочки).

Изменение родовой принадлежности лексемы может быть вызвано и прагматическими задачами, что, в частности, проявляется в функционировании «мужского экспрессивного» рода [27, с. 137]. Подобные примеры находятся в русле такой тенденции развития грамматики, как добавление прагматического компонента в грамматическую семантику, вследствие чего теряется ключевое свойство грамматического значения – обязательность. Так, Б. Ю. Норман отмечает: «Ныне, по-видимому, такой “словоизменяемый” аспект рода существительных усиливается благодаря его взаимодействию с прагматическими и стилистическими аспектами. Во всяком случае, наш материал показывает, что в сознании носителя русского языка категория рода приобретает бóльшую, чем ранее, “свободу” функционирования, что, быть может, и не меняет глубинных оснований данной грамматической категории, но превращает ее в мощное выразительное средство» [28, с. 173].

На грамматику воздействуют и социальные факторы. Так, в советское время на грамматические изменения в русском языке влияло «активное участие в строительстве современного русского литературного языка тех социальных групп, которые более или менее свободно относятся к литературной норме (в общем считая необходимым следовать ей)» [29, с. 66]. Актуально это и для современного общества, в котором продолжают развиваться тенденции к демократизации языкового стандарта. Социальные

факторы также сдерживают распространение грамматических инноваций. Знание кодифицированных норм, восприятие их социальной значимости в большей степени замедляет языковые изменения. Соответственно, чем более осознанными, отрефлексированными являются кодифицированные варианты, тем слабее варианты некодифицированные. В речевой практике закрепляются главным образом те феномены, которые находят поддержку со стороны социально одобренных норм. Так, следующее наблюдение, сделанное около полувека назад, не потеряло своей актуальности: «Грамматическая аналогия в современном русском литературном языке может нарушить сложившиеся нормы только в том случае, если она опирается на сложившуюся норму. Парадоксальность этого утверждения лишь кажущаяся» [29, с. 137].

Заключение

Поскольку в белорусском и русском языках есть грамматические различия, в русской речи белорусов могло бы наблюдаться множество отступлений от морфологических норм русского языка, однако эмпирические данные демонстрируют, что этот потенциал реализуется не полностью: далеко не все случаи потенциальной морфологической и синтаксической интерференции становятся реальностью, что показывает селективность языковых изменений. Грамматические особенности белорусской разновидности русского языка во многом являются лексикализованными: как правило, они не охватывают большие классы единиц, а ограничены конкретными лексемами, группами слов или конструкциями с определенным лексическим наполнением.

Грамматическая вариативность изучаемого идиома обусловлена синергией внутренних и контактных факторов языковых изменений, поэтому в грамматике, в отличие от лексики, затруднительно разграничить внутрисистемные и контактно обусловленные белорусизмы. Языковые контакты усиливают действие внутриязыковых тенденций: точки роста специфических характеристик интересующего нас идиома локализованы в тех зонах грамматики, где «ошибаются» носители русского языка из разных стран. Кроме того, несмотря на значительную автономность грамматики (в сопоставлении с лексикой), на частотность языковых инноваций влияют и социальные факторы. С одной стороны, знание кодифицированных норм и восприятие их социальной значимости существенно замедляет грамматические изменения, с другой – демократизация языка и другие социальные процессы способствуют распространению отдельных «сильных» грамматических белорусизмов в коммуникации.

Исследование показало, что в обсуждаемом идиоме увеличивается частотность морфологических единиц, соответствующих тенденции к экономии речевых средств: кратких словоформ (*Баранович* вместо *Барановичей*), а также элементов, которые возникают вследствие их выравнивания по аналогии с более продуктивными грамматическими феноменами (например, *словить*, *едь*, *махаешь* и т. п.). Подобные единицы также используются в белорусском языке. Кроме того, в результате контактов белорусская разновидность русского языка сохраняет фрагмент грамматической системы прошлого – плюсквамперфектные формы типа *пришел был*, которые функционируют как полифункциональные варианты территориально не маркированных образований с частицей *было*. Таким образом, белорусско-русские языковые контакты способствуют не только возникновению новых, но и активизации периферийных элементов идиома.

Функционирование ненормативных морфологических вариантов также обуславливается семантическими и стилистическими характеристиками лексем. Так, выбор нестандартных форм рода для слова *собака* определен не столько интерференцией со стороны белорусского языка (в данном материале не наблюдается статистически значимых различий между белорусским и российским сегментами в функционировании варианта мужского рода от данной лексемы), сколько полом референта и прагматическими задачами коммуниканта.

Библиографические ссылки

1. Кузьменкова ТВ. Морфология. В: Михневич АЕ, редактор. *Русский язык в Белоруссии*. Минск: Наука и техника; 1985. с. 76–96.
2. Лукашанец АА. Особенности грамматической интерференции в условиях близкородственного двуязычия. В: Иванов ВМ, редактор. *Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия*. Москва: Наука; 1990. с. 120–127.
3. Мощенская ЛГ. *Как белорусы говорят по-русски? Варианты рода имен существительных в русской речи белорусов*. Минск: Университетское; 1992. 158 с.
4. Вешторг ГФ. Морфологическая интерференция. В: Булько АН, Крысин ЛП, редакторы. *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 1999. с. 65–73.
5. Норман БЮ. Билингвизм и многоречие в Республике Беларусь. В: Гаспаров БМ, Купина НА, редакторы. *Русский язык в многоречном социокультурном пространстве*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2014. с. 267–286.

6. Zeller JP, Sitchinava D. The Russian language in Belarus and Ukraine. In: Mustajoki A, Protassova E, Yelenevskaya M, editors. *The soft power of the Russian language: pluricentricity, politics and policies*. London: Routledge; 2019. p. 108–122.
7. Clyne MG, editor. *Pluricentric languages. Differing norms in different nations*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1992. 481 p.
8. Горицкая О. Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах. В: Кошкин И, редактор. *Rusistica Latviensis. Том 8. Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2*. Рига: Latvijas Universitate; 2018. с. 124–134. DOI: 10.22364/ruslat.glp.14.
9. Goritskaya O. Belarusian flavor in Russian: how to measure gradual differences between the varieties of pluricentric languages? In: Muhr R, Thomas J, editors. *Pluricentric theory beyond dominance and non-dominance: a critical view*. Graz: PCL-PRESS, 2020. p. 205–218.
10. Del Gaudio S. Russian as a non-dominant variety in post-Soviet states: a comparison. In: Muhr R, Negre CA, Juncal CF, editors. *Exploring linguistic standards in non-dominant varieties of pluricentric languages*. Wien: Peter Lang Verlag; 2013. p. 343–362. DOI: 10.3726/978-3-653-02709-9.
11. Woolhiser C. «Belarusian Russian»: sociolinguistic status and discursive representations. In: Muhr R, editor. *Non-dominating varieties of pluricentric languages. Getting the picture*. Wien: Peter Lang Verlag; 2012. p. 227–262. DOI: 10.3726/978-3-653-01621-5.
12. Абабурка МВ. *Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў*. Мінск: Вышэйшая школа; 1992. 223 с.
13. Ижакевич ГП, Иванов ВВ, Дмитренко СН. *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении*. Киев: Наукова думка; 1981. 343 с.
14. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
15. Verschik A. *Emerging bilingual speech: from monolingualism to code-copying*. London: Continuum; 2008. 252 p.
16. Сепир Э. Язык как продукт истории: тенденция развития (дрейф) языка. В: Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Прогресс; 1993. с. 138–156.
17. Baker P. *Sociolinguistics and corpus linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2010. 189 p.
18. Mair Ch. Corpus linguistics meets sociolinguistics: the role of corpus evidence in the study of sociolinguistic variation and change. In: Renouf A, Kehoe A, editors. *Corpus linguistics: refinements and reassessments*. Amsterdam: Brill; 2009. p. 7–32. Co-published by the «Rodopi». DOI: 10.1163/9789042025981_003.
19. Крысин ЛП, редактор. *Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения*. Москва: Наука; 1974. 352 с.
20. Якобсон Р. О теории фонологических союзов между языками. В: Якобсон Р. *Избранные работы*. Москва: Прогресс; 1985. с. 92–104.
21. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press; 1988. 411 p.
22. Вольнец ТН. О соотношении вариантных форм в парадигматических схемах глаголов I непродуктивного класса (на материале русского и белорусского языков). *Русский язык*. 1982;2:96–105.
23. Сичинава ДВ. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА; 2013. 385 с.
24. Сичинава ДВ. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей. *Вопросы языкознания*. 2019;1:30–57. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.
25. Лукашанец АА, редактор. *Короткая граматыка беларускай мовы. Частка 1. Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія*. Мінск: Беларуская навука; 2007. 351 с.
26. Мацкевіч ЮФ. *Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове*. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР; 1959. 292 с.
27. Земская ЕА. Специфические значения некоторых именных форм. В: Земская СА, редактор. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва: Наука; 1983. с. 135–137.
28. Норман БЮ. Лингвopsихологические аспекты грамматической категории рода. *Russian Linguistics*. 2006;30(2):153–174.
29. Панов МВ, редактор. *Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*. Москва: Наука; 1968. 367 с.

References

1. Kuz'menkova TV. [Morphology]. In: Mikhnevich AE, editor. *Russkii yazyk v Belorussii* [The Russian language in Byelorussia]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1985. p. 76–96. Russian.
2. Lukashanets AA. [Features of grammatical interference in the context of closely-related bilingualism]. In: Ivanov VM, editor. *Grammaticheskaya interferentsiya v usloviyakh natsional'no-russkogo dvuyazychiya* [Grammatical interference in the context of national-Russian bilingualism]. Moscow: Nauka; 1990. p. 120–127. Russian.
3. Moshchenskaya LG. *Kak belorusy govoryat po-russki? Varianty roda imen sushchestvitel'nykh v russkoi rechi belorusov* [How do Belarusians speak Russian? Gender variants of nouns in the Russian speech of Belarusians]. Minsk: Universitetskoe; 1992. 158 p. Russian.
4. Veshtort GF. [Morphological interference]. In: Bulyko AN, Krysin LP, editors. *Tipologiya dvuyazychiya i mnogoyazychiya v Belarusi* [Typology of bilingualism and multilingualism in Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 1999. p. 65–73. Russian.
5. Norman BYu. [Bilingualism and multilingualism in the Republic of Belarus]. In: Gasparov BM, Kupina NA, editors. *Russkii yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve* [The Russian language in the multilingual sociocultural space]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2014. p. 267–286. Russian.
6. Zeller JP, Sitchinava D. The Russian language in Belarus and Ukraine. In: Mustajoki A, Protassova E, Yelenevskaya M, editors. *The soft power of the Russian language: pluricentricity, politics and policies*. London: Routledge; 2019. p. 108–122.
7. Clyne MG, editor. *Pluricentric languages. Differing norms in different nations*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1992. 481 p.
8. Goritskaya O. [Russian in Belarus and other post-Soviet states: debates on terms]. In: Koškins I, editor. *Rusistica Latviensis. Том 8. Global'nye i lokal'nye protsessy v slavyanskikh yazykakh, literaturakh, kul'turakh 2* [Rusistica Latviensis 8. Global nad local processes in Slavic languages, literatures and cultures 2]. Riga: Latvijas Universitate; 2018. p. 124–134. Russian. DOI: 10.22364/ruslat.glp.14.

9. Goritskaya O. Belarusian flavor in Russian: how to measure gradual differences between the varieties of pluricentric languages? In: Muhr R, Thomas J, editors. *Pluricentric theory beyond dominance and non-dominance: a critical view*. Graz: PCL-PRESS; 2020. p. 205–218.
10. Del Gaudio S. Russian as a non-dominant variety in post-Soviet states: a comparison. In: Muhr R, Negre CA, Juncal CF, editors. *Exploring linguistic standards in non-dominant varieties of pluricentric languages*. Wien: Peter Lang Verlag; 2013. p. 343–362. DOI: 10.3726/978-3-653-02709-9.
11. Woolhiser C. «Belarusian Russian»: sociolinguistic status and discursive representations. In: Muhr R, editor. *Non-dominating varieties of pluricentric languages. Getting the picture*. Wien: Peter Lang Verlag; 2012. p. 227–262. DOI: 10.3726/978-3-653-01621-5.
12. Ababurka MV. *Parawnal'naja gramatyka belaruskaj i ruskaj mow* [Comparative grammar of the Belarusian and Russian languages]. Minsk: Vyshhejschaja shkola; 1992. 223 p. Belarusian.
13. Izhakevich GP, Ivanov VV, Dmitrenko SN et al. *Funkcionirovanie russkogo yazyka v blizkorodstvennom yazykovom okruzenii* [Functioning of the Russian language in closely related language environment]. Kyiv: Naukova dumka; 1981. 343 p. Russian.
14. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
15. Verschik A. *Emerging bilingual speech: from monolingualism to code-copying*. London: Continuum; 2008. 252 p.
16. Sepir E. [Language as a historical product: drift]. In: Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii* [Selected papers in linguistics and cultural studies]. Moscow: Progress; 1993. p. 138–156. Russian.
17. Baker P. *Sociolinguistics and corpus linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2010. 189 p.
18. Mair C. Corpus linguistics meets sociolinguistics: the role of corpus evidence in the study of sociolinguistic variation and change. In: Renouf A, Kehoe A, editors. *Corpus linguistics: refinements and reassessments*. Amsterdam: Brill; 2009. p. 7–32. Co-published by the «Rodopi».
19. Krysin LP, editor. *Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya* [The Russian language according to the data from the large-scale sociolinguistic study]. Moscow: Nauka; 1974. 352 p. Russian.
20. Yakobson R. [On the theory of phonological Sprachbunds]. In: Yakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress; 1985. p. 92–104. Russian.
21. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press; 1988. 411 p.
22. Volynets TN. [On the ratio of variant forms in paradigmatic schemes of verbs of the 1st unproductive class (based on the Russian and Belarusian languages)]. *Russkii yazyk*. 1982;2:96–105. Russian.
23. Sitchinava DV. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Pluperfect typology. Pluperfect in the Slavic languages]. Moscow: AST-PRESS KNIGA; 2013. 385 p. Russian.
24. Sitchinava DV. Slavic pluperfect: loci of variation. *Voprosy yazykoznanija*. 2019;1:30–57. Russian. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.
25. Lukashanec AA, editor. *Karotkaja gramatyka belaruskaj movy. Chastka 1. Fanalogija. Marfanalogija. Marfalogija* [A concise grammar of the Belarusian language. Part 1. Phonology. Morphology. Morphology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2007. 351 p.
26. Mackevich JuF. *Marfalogija dzejaslova u belaruskaj move* [Verb morphology in the Belarusian language]. Minsk: Publishing House of the Academy of the Science of the BSSR; 1959. 292 p. Belarusian.
27. Zemskaya EA. [Specific meanings of some nominal forms]. In: Zemskaya EA, editor. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka; 1983. p. 135–137. Russian.
28. Norman BYu. [Linguo-psychic aspects of the grammatical category of gender]. *Russian Linguistics*. 2006;30(2):153–174. Russian.
29. Panov MV, editor. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian language and Soviet society: sociological and linguistic study. Morphology and syntax of the standard modern Russian language]. Moscow: Nauka; 1968. 367 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.07.2020.
Received by editorial board 24.07.2020.